

Часть 1

СКАЖИ, МОЙ ДРУГ, КУДА СПЕШИЛИ...

Скажи, мой друг, куда спешили,
Зачем искали этот рай,
Где не дают покоя годы,
А время шепчет: «Вспоминай...»?
И бродит прошлое с укором
Неслышной поступью вослед,
И горький ком стоит у горла —
Суд совести за много лет.
Срок давности давно уж минул,
И всех потерь не сосчитать,
И не развеять всех сомнений,
И от себя не убежать.
Тут откровенья не помогут
И время вспять не повернут...
Скажи, мой друг, зачем он нужен,
Своих ошибок тяжкий суд?

1

«Было у отца три сына: двое старших — умных, а третий, младшенький, — любимый...»

То, что когда-то в их семье был еще один ребенок, Леша Радченко узнал много позже. Вырос он в небольшом белорусском городке Ошмяны, что рядом с Литвой, где два десятка панельных пятиэтажек мирно соседствовали с частным сектором, днем по заасфальтированным улицам важно прогуливались куры, а по вечерам долетавшую от Дворца культуры музыку заглушало требовательное мычание коров. Несколько школ, Дом пионеров,

кинотеатр, площадь Ленина со статуей вождя с протянутой рукой, райком, райисполком... Короче, стандартный набор любого провинциального населенного пункта, представлявшего собой нечто среднее между городом и деревней.

Детские воспоминания у Алексея остались радужные и большей частью были связаны с долгожданными каникулами: велосипед, речка, соседские мальчишки, одноклассники. Правда, родители слегка докучали ему чрезмерной опекой, но зато и не нагружали, как других пацанов, домашней работой. Накормить пса Тузика да навести порядок в своей крохотной, отделенной от братьев дощатой перегородкой комнатке — вот, пожалуй, и все, что от него требовалось.

Однако в год, когда ему исполнилось двенадцать, многое изменилось. Во-первых, старшие братья-двойняшки окончили школу и поступили в военное училище. Помощь родителям по хозяйству в одночасье стала обязанностью младшего сына, так что бесцельно погонять с ребятами на велике и сходить на рыбалку удавалось все реже.

Во-вторых, он узнал, почему был в семье любимчиком. На Радуницу отец с матерью впервые взяли его с собой на кладбище, на могилку старшего брата Сергея, который волей случая погиб в четырнадцать лет. Деревенские мальчишки в тот день нашли в лесу оставшийся с войны ящик боеприпасов, тайком от взрослых перетащили его в укромное место и разожгли костер. В это время Сергей как раз отправился искать младших братьев к обеду, заметил над лесом дымок, успел оттащить от костра малышню, а сам вернулся. Тут же прогремел взрыв...

После похорон сына родители продали дом и переехали в райцентр: смотреть из окна на лежавшее как на ладони деревенское кладбище не было никаких сил. В тот же год судьба подарила им еще одного ребенка.

Взглянув на портрет юноши, высеченный в камне, Леша вдруг понял, почему с раннего детства ему, в отличие от братьев,

прошлось столько шалостей. Сразу стала понятна опека отца, который, казалось, хотел оградить его от всех опасностей на земле, чрезмерное беспокойство матери, если он вдруг задерживался где-то на пару минут. Все дело в том, что Леша был полной копией погибшего брата...

Третьим и, пожалуй, самым важным событием в то лето стал приезд в школу молодого преподавателя физкультуры, который открыл в сентябре волейбольную секцию. Младший Радченко записался туда одним из первых и целый год усердно постигал азы спортивного мастерства — учился принимать, пасовать и просто перекидывать мяч через сетку. Все это поначалу выходило у него чуть хуже, чем у других, так как был маловат ростом, но сама игра увлекала.

Когда юных волейболистов вывезли летом в спортивный лагерь, он часами как завороченный наблюдал за тренировками старших ребят из областного спортинтерната. Те относились к нему дружелюбно и даже здоровались за руку, он же, польщенный таким вниманием, без устали подавал мячи, выходявшие за пределы площадки. Видимо, оценив такое усердие, тренер спортинтерната перед отъездом похлопал его по плечу и то ли в шутку, то ли всерьез пообещал, что если Леша не бросит волейбол и подрастет, то в следующем году, когда начнется набор мальчишек его года рождения, он возьмет его к себе.

Окрыленный этими словами Радченко стал пропадать в спортзале все свободное время. Как по мановению волшебной палочки он быстро пошел в рост, и его, семиклассника, к концу года даже включили в школьную сборную. Но не только из-за роста: худенький мальчонка ни в какую не желал уступать старшеклассникам в игре, а в пылу спортивной злости даже переигрывал их. Видя такое рвение и несомненные успехи, учитель физкультуры стал заниматься с ним индивидуально.

Так что теперь после уроков Леша мчался домой, быстро пообедал, растапливал печь, делал еще кое-что по хозяйству и несся

в школьный спортзал. Естественно, к ночи он валялся с ног от усталости, и ни о каких уроках не могло быть и речи — успевал только поменять учебники в портфеле. Как и следовало ожидать, за год парень скатился с приличного хорошиста до заурядного троечника и кроме пятерки по физкультуре в дневнике были всего три четверки: по алгебре, геометрии и черчению. По всем остальным предметам стояли более чем скромные троечки.

Оценив «успехи» сына, отец впервые взялся за ремень и в сердцах стеганул уже возвышавшегося над ним отпрыска. Это же надо докатиться до такого позора: старшие братья окончили школу с одними пятерками в аттестате, а младший — разгильдяй! Так что в спортивный лагерь тем летом Лешу отпустили только благодаря личной просьбе тренера, да и то после того, как на глазах у родителей сын набил спортивную сумку литературой по школьной программе. Но так и не открыл ни одной книги — не до того было.

Как с удивлением отметили все в лагере, Радченко здорово вырос за год, и не только в сантиметрах. Тренер спортинтерната присматривался к нему ровно неделю, а потом позвал к себе. Горя желанием показать все, на что способен, Леша выкладывался на тренировках как мог, а может, и сверх того. Даже по вечерам, когда начинались долгожданные танцы (в смене было немало девочек — гимнасток и легкоатлетов, за которыми ухаживала добрая половина ребят), его было не оторвать от мяча. И труды не пропали даром — к концу второй смены его пригласили в спортинтернат.

Как на крыльях он прилетел домой, но тут же наткнулся на категоричное «нет». Причем не только родителей, но и приехавших на побывку братьев. Уговаривать, умолять, обещать золотые горы не имело смысла — родные были непреклонны: пока не подтянет успеваемость, никуда не поедет!

От обиды Леша убежал на сеновал и долго плакал. Сквозь открытую дверь виднелось ночное августовское небо, и всякий

раз, заметив падающую звезду, он загадывал единственное желание: через год оказаться в спортинтернате. Так и уснул. А наутро за завтраком попросил семейный совет дать обещание: если он окончит восемь классов без единой тройки, его отправят в областной центр. Родители и братья то ли не восприняли его слова всерьез, то ли понадеялись, что через год он там никому не будет нужен, но дали честное слово.

А он стал бороться за свою мечту. Через месяц неожиданное рвение к учебе Радченко-младшего заметили все: и учителя, и недовольные приятели, которые нигде, кроме тренировок, не могли с ним больше общаться так, как прежде. Кстати, в тот год он стал пользоваться вниманием у девочек, но всего лишь раз, под Новый год, появился на школьной дискотеке.

Зато на выпускном балу после восьмого класса с радостью перетанцевал почти со всеми одноклассниками: таким воодушевленным его можно было видеть разве что на спортивной площадке! И было от чего: в аттестате ни одной тройки и лишь четыре четверки! Он выполнил, даже перевыполнил свои обязательства, и в интернате его по-прежнему ждали. Особенно после областных соревнований, на которых никому не известная команда провинциальной школы заняла второе место!

По большому счету такая Лешина активность объяснялась грядущим прощанием со школой. Правда, об этом никто, кроме лучшего друга Витьки Серова, не знал. Жаль, конечно, с ним будет расставаться, с детского садика всегда и везде вместе, но не насовсем же! Будут каникулы, и они обязательно встретятся.

Родители, просматривая дневник сына, лишь переглянулись: молодец, но придется ждать приезда братьев. Решение-то принимали вместе! Однако Леша ждать не пожелал и вместе с отцом поехал в Рязань. Вызвав на КПП Валентина и Павла, он раскрыл перед ними дневник, и тем ничего не оставалось, как констатировать факт: он выполнил все условия. Согласился с этим и отец, грустно заметив, что раз младший сын перерос по годам

погибшего брата, значит, можно его отпускать. Матери с таким решением пришлось смириться.

Тренер Борис Яковлевич наметанным глазом сразу разглядел в Радченко талант и, с учетом Лешиного трудолюбия, возлагал на него большие надежды. Это было неслыханно: еще не зачисленного в спортивный интернат паренька включили в список спортсменов, отправлявшихся на сборы в Алушту! Через неделю он уже трясся в вагоне поезда, который нес его навстречу новой жизни.

Ровно через год тренера пригласили работать в Минск, и он забрал с собой перспективного ученика. Единственного из всего класса. Вот так прямым ходом Леша и попал в юношескую сборную республики, а заодно — и во второй состав команды мастеров, где с первого дня почувствовал жесткую конкуренцию за место под солнцем. Каждый игрок здесь был точно маленький алмаз, который после кропотливой огранки обещал превратиться в бриллиант, каждый без исключения был честолюбив, амбициозен и жаждал попасть в основной состав.

Даже спустя годы Радченко был благодарен судьбе за ту школу жизни, которую прошел в Минске, — тренировки, соревнования, переезды, выпускные экзамены в очередном спортивном интернате, где учителя никому не делали поблажек, появление первой в его жизни женщины, о чем позаботились старшие товарищи. Едва прознали, что у парня нет сексуального опыта, тут же, на сборах в Стайках, «крестили». Как оказалось, разбитная официантка Сонька стала в свое время «крестной мамой» доброй половине ребят. От нее же он впервые услышал: «Ты — самый красивый из всех, кто у меня был. Ох наплачутся бабы!»

На следующий день, не совсем уверенный, что правильно понял ее слова, Леша долго рассматривал себя в зеркале: ростом такой, как и все в команде, лицом тоже, не весельчак, не балагур, молчаливый, несмелый с девушками. Странно... Но через неделю сомнения развеялись: в соседнем корпусе поселилась девичья сборная по легкой атлетике, и стоило Радченко несколько раз

улыбнуться девушкам, как его невероятному успеху у них стали завидовать многие.

В тот же год пробил его звездный час в спорте: самого молодого игрока включили в основной состав команды высшей лиги, и по окончании сезона он получил звание мастера спорта. Надо было оправдывать такое доверие, и Алексей тут же распрощался с мыслью куда-либо поступать. Получив аттестат, он сразу уехал на длительные сборы: отсрочка от армии обеспечена, а желание закрепиться на завоеванных позициях было столь велико, что поступление в институт он решил отложить на следующий год.

Кто знал, что следующий год поставит крест не только на его спортивной карьере...

...В баре после ужина было немногочисленно — звучала спокойная музыка, чинно прохаживались под руку пожилые парочки. Утопая в мягких кожаных креслах, Радченко с Кушнеровым лениво провожали глазами редких в этот час особ женского пола и практически без ошибки определяли, на кого не стоит тратить время, а кто не прочь поискать приключений на стороне. Двое ребят из службы безопасности холдинга сидели за соседним столиком чуть поодаль.

— Помнишь, весной в Нью-Йорке ты упомянул, что к Инне в Париж прилетала Крапивина? — неожиданно обратился Алексей к другу.

— А чего это ты вспомнил? — потягивая виски, удивился Артем. — Тогда даже бровью не повел!

— Есть от чего, — вытащил он из-за спины прихваченный с собой журнал и раскрыл на нужной странице. — Смотри.

— Ничего себе! Надо же, как изменилась!

— А по-моему, не очень... Время будто ее и не коснулось.

— Ошибаешься! Я встретил ее лет семь назад в Пулковском аэропорту. Инка в тот день улетала, захотел ее увидеть, сел в «Стрелу», примчался в Питер. А когда ее с Томкой заметил,

остолбенел: за руки держатся, слезы, поцелуи... Как в институте! По сравнению с этим снимком она была раза в полтора толще! — кивнул он в сторону журнала.

— Ты ничего не рассказывал, — укоризненно проронил Алексей.

— А зачем? Чтобы у тебя потом на душе кошки заскребли? Ты-то сам о ней ни разу не вспомнил за эти годы... Да и она тобой не интересовалась... К Инке в аэропорту я так и не решился подойти, а вот с ее зареванной подружкой обнялся, выпил кофе, поговорил о жизни... Честно говоря, она мне тогда здорово помешала.

Артем принялся за чтение, а Алексей молча за ним наблюдал. С той минуты, как он нашел этот журнал, на душе было неспокойно. Может, Артему удастся развеять эту необъяснимую тревогу?

— Ты смотри, какая дипломатичная особа: вроде ответила на вопрос, а вроде и нет, — заметил тот, пробегая глазами статью. — С каких это пор ты читаешь женские журналы?

— Нашел на столике у бассейна. — Алексей закинул руки за голову и откинулся к спинке кресла. — Поинтересовался в reception, и — не поверишь! — оказалось, что вместе с сыном она отдыхала в этом же отеле! Сегодня утром улетели, а журнал, видимо, забыли.

Не отрываясь от чтения, Кушнеров лишь качнул головой:

— Представляю, какая вышла бы встреча! Насколько я знаю, она разведена. Это в общем-то и неудивительно: с ее характером нелегко ужиться.

— Да нормальный у нее характер, — неожиданно не согласился друг. — Она из тех, кто идет по прямой. Поведение таких людей вполне предсказуемо, в этом Инна была права... Одно только не вписывается в эту прямую линию — ее аборт.

— А по мне, здесь все логично: ты собрался жениться на другой, не рожать же ей в девках? Честно говоря, кто там был у вас виноват — я так и не понял. Вроде — ты, а вроде — и она... Видно, оба хороши, — перевернул он страницу и присвистнул: — Ба! Тебе фамилия Фунтина ничего не говорит? Екатерина Фунтина... — прочитал он подпись под статьей. — Не родственница нашей Ляльки Фунтик?

— Покажи, покажи... Действительно... Неужели они до сих пор общаются? Я-то был уверен, что их дружба — блеф.

— А ты хоть знаешь, что у Ляльки трое детей?

— Лялька и семья? Несовместимо... А ты откуда знаешь?

— От верблюда! Дело с Калининградским портом помнишь? Не успел я тогда тебе всего рассказать, через два дня с жизнью едва не распрощался... Так вот: три с половиной года назад именно Лялкин муж помог мне решить там все наши вопросы. Большая шишка в местной администрации! Я его отблагодарил, а перед отъездом зашли с ним в ресторан, выпили, разговорились. Жену свою он все нахвалявал, приглашал на пироги. А когда эта жена за ним приехала, я дара речи лишился: оказалось, его Эллочка и наша блудница Лялька — одно и то же лицо! А ведь могла и тебе пироги печь! — вдруг рассмеялся он. — Или мне!

— Тебя пирогами не удержишь.

— Да ладно! — отмахнулся Артем и закрыл журнал. — Ну что? Пойдем куда-нибудь, отметим твой день рождения? У меня за океаном время, считай, обеденное.

— «День рожденья — грустный праздник...» Пошли спать, — неожиданно предложил Алексей. — Что-то я устал с дороги.

— Если честно, выглядишь ты и вправду не ахти.

— Может, старость?

— Может, и она, — согласился Артем. — А может, и не старость вовсе... Хочешь совет? Выбрось ты этот журнал, пока не поздно, иначе ни работы, ни отдыха здесь у нас с тобой не

выйдет... Ладно, спать так спать, — поставил он на столик пустой стакан и первым встал с кресла.

Как по команде, вслед за начальством поднялись и ребята из службы безопасности...

...В тот год, не прослужив и месяца после окончания училища, у Алексея погиб один из братьев — Павел. Молоденький лейтенант бросился спасать в воздухе новичка-десантника, у которого не раскрылся парашют. В результате погибли оба... Не передать горе родителей, у которых из четырех сыновей судьба успела отнять двоих...

А спустя полгода Алексей опоздал на тренировку, как следует не размялся, подпрыгнул... и упал. Подняться он смог только с посторонней помощью: один коленный сустав словно заклинило, и нога категорически отказалась сгибаться; вторая делала это лишь наполовину. Любое движение доставляло боль.

Активная физическая нагрузка в период бурного роста (с четырнадцати до семнадцати лет он вытянулся почти на пятьдесят сантиметров!) не прошла бесследно — в суставах часто слышался неприятный хруст, а в последний год ощущалась и боль. Ее он терпел, суставы старался беречь — бинтовал, грел, натягивал двойные наколенники. И ничего не говорил Борису Яковлевичу: боялся, что тот отправит к врачам, его отстранят от игр и кто-то другой займет его место в команде. Как же он оказался не прав! Вмешайся на начальной стадии в эту проблему врачи, возможно, обошлось бы без необратимых последствий. Как назло, за день до случившегося тренер улетел в Среднюю Азию, а откладывать операцию было нельзя.

Первой решили оперировать более легкую правую ногу — мениск там только оторвался, а не развалился на куски, как на левой. Но вышло наоборот: то ли инфекция попала, то ли что-то не получилось у врачей... В общем, возвратившийся тренер застал подопечного в реанимации с температурой под сорок.

Спустя сутки, перевернув весь город в поисках толкового специалиста, Борис Яковлевич перевез Радченко в травматологию одной из ведомственных больниц. Тамошние врачи не без труда сняли воспаление и сделали еще две операции: повторную на правом коленном суставе, а через месяц — и на левом... Вроде удачно.

Воспрянув духом, Радченко прошел усиленный курс реабилитации и стал считать дни до начала активных тренировок. Но... приговор медиков был категоричен: в команде такого уровня ему больше не место. Благо инвалидом не остался.

Тренер, относившийся к Леше как к сыну, попереживал, посокрушался и решил, что парню надо строить новую жизнь. Позволив старому приятелю — заведующему кафедрой физвоспитания в одном из технических вузов, он сам привез Алексея в институт, пожелал удачи и попрощался... почти на двадцать лет. Через год Борис Яковлевич покинул Союз, пожил несколько лет в Израиле и осел в Нью-Йорке, где и встретился спустя годы с бывшим учеником.

К тому времени Алексею было за что его благодарить, но тогда, в 78-м, он никак не мог понять, почему тренер везет его в какое-то захолустье, если в Минске есть институт физкультуры? Врачи ведь разрешили играть на любительском уровне, а ничем, кроме волейбола, он не желает заниматься. Ну, станет тренером, в конце концов! В общем, если бы не заведующий кафедрой физвоспитания в политехе, сразу сообразивший, какая звездочка залетела на его территорию, Алексей в тот же день забрал бы документы и уехал назад в Минск. Но не тут-то было! Самуил Семенович развернул такую агитацию, какой институт, пожалуй, не видывал за все время своего существования! Затем он помог Радченко сдать вступительные экзамены, а после зачисления обрадовал: мол, хоть и поступил он не на самый престижный факультет, зато будет играть в лучшей волейбольной команде. Собственно, это и решило дело.